

ПРИЛОЖЕНИЕ*

РАЗДАВИЛИ! ЧЕЛОВѢКА РАЗДАВИЛИ!

Я возвращался, задумавшись, домой. Было уже темно, и на улицахъ были зажжены фонари. Вдругъ какой-то шумъ происходившій впереди меня, пробудилъ мое вниманіе. Я сталъ всматриваться, но за темнотою ничего не могъ разглядѣть и потому пошелъ скорѣе. «Раздавили! батюшки, человѣка раздавили!» донесся до меня возгласъ какой-то женщины. Посреди улицы стояла роскошная коляска, запряженная парой сильныхъ, горячихъ лошадей. Кучера не было на козлахъ: онъ находился въ толпѣ. Вокругъ экипажа собрался народъ, прохожіе, привлеченные любопытствомъ; въ срединѣ свѣтился тусклый огонекъ отъ фонаря, должно быть принесеннаго сосѣднимъ дворникомъ. Каждый изъ подходившихъ старался протискаться впередъ, чтобъ самому посмотреть, что дѣлается въ срединѣ кучки. Всѣ говорили, кричали, спорили.

— Что случилось, братцы? — спросилъ я двухъ мужиковъ, стоявшихъ ко мнѣ поближе.

— Да, ишь, человѣка раздавили. Улицу онъ переходилъ, <с. III> а тутъ эта коляска. Кучеръ-то ему крикнулъ, да онъ, ишь, какой слабенькой. Крикомъ-то онъ его больше испугалъ. Старичокъ вздрогнулъ, съ испугу, да тутъ и грохнулся. Ну, лошади-то прямо на него и навались. Не сдержать ихъ было кучеру, вонъ вѣдь онъ какія горячія.

— Кто же онъ такой?

— А Богъ его вѣдаетъ, кто онъ, чиновникъ, бѣдный. Экой грѣхъ, прости Господи. Тутъ вѣдь какъ разъ и духъ вонъ послѣ такой оказіи. Вонъ, намедни, — началъ-было онъ что-то рассказывать, но я уже не слушалъ его, пробираясь въ середину.

На землѣ лежалъ раздавленный лошадыми, бѣдно одѣтый человѣкъ, безъ чувствъ, весь въ крови. Съ лица, съ головы текла кровь. Лицо было все избито, ободрано, исковеркано.

Толстый, бородатый кучеръ, заложивъ за кушакъ рукавицы, стоялъ тутъ же.

— Меня нельзя винить, — толковалъ онъ — я свое дѣло сдѣлалъ, я ему кричалъ, вольно жъ ему было подъ лошадь лѣзть, не маленькій.

— Э-эхъ, — съ сердцемъ перебилъ его старичокъ. — Душа-то у тебя, видно, не христіанская, толкуетъ... Ты погляди, что съ человѣкомъ-то сдѣлалъ. Татаринъ, право татаринъ.

— Что жъ дѣлать, — заговорилъ опять кучеръ — несчастіе, извѣстно. Я тутъ не причемъ. А баринъ, вѣрно, заплотить... за ущербъ, какъ узнать, онъ у насъ баринъ добрый...

— Главное дѣло, говорилъ полицейскій, не обращая вниманія на то, что вокругъ него говорилось, — главное дѣло, какъ теперь узнать, кто онъ такой. И лица-то его <с. 112> совсѣмъ не видно; экъ вѣдь его какъ изуродовало. Посвѣти-ка еще, Миронычъ.

Дворникъ, а за нимъ и другіе нагнулись, чтобъ еще разъ поглядѣть на окровавленное, истерзанное лицо раздавленнаго.

— Господи, да вѣдь это Прохоровъ! — невольно вскрикнулъ я, разглядѣвъ лицо. Я его знаю. Онъ тутъ за угломъ живетъ. Это чиновникъ, я его каждый день вижу, какъ онъ на службу идетъ.

Всѣ точно обрадовались, что узнали еще одну новость. Тотчасъ опять поднялся шумъ, толки, споры.

— Его домой снести надо, тутъ и недалеко. Я покажу. Помогите братцы.

Человѣкъ шесть бросились поднимать его и потомъ понесли. Надо было пройти всего шаговъ сорокъ, пятьдесятъ. Большой все-еще былъ безъ чувствъ. Толпа хлынула за нами. «Вотъ и ворота, на дворъ надо, сюда, направо. На лѣстницу вверхъ головой надо, оборачивайте... вотъ такъ! Легонько, легонько... Осторожнѣе. Подсобите-ка кто-нибудь...»

Въ четвертомъ этажѣ, по этой лѣстницѣ, въ комнатѣ, гдѣ жилъ Прохоровъ; ничего не знали о случившемся. Онъ нанималъ комнату у хозяйки, снимавшей квартиру, и въ этой одной комнатѣ помѣщалась вся его семья: жена и трое дѣтей. Прокормить, обути, одѣть эту семью было труднымъ дѣломъ для бѣднаго чиновника; какъ ни билась жена его, Катерина Ивановна, но часто ей не хватало денегъ на самое необходимое. Тогда Иванъ Михайловичъ занималъ у дворника, или несъ что-нибудь заложить знакомой еврейкѣ. Конечно, это плохо поправляло дѣло. Занятые деньги надо было отдать, да еще съ <с. 113> приплатой, и на слѣдующій мѣсяцъ поневолѣ опять не хватало. Иногда — но это рѣдко бывало — давали Ивану Михайловичу переписать что-нибудь, дарили поношенное платье, посылали съ порученіемъ и за это платили какую-нибудь бездѣлицу.

Вечеромъ этого дня Иванъ Михайловичъ пошелъ закладывать лѣтнее пальто жены, такъ какъ на зиму оно было не нужно. Подойдетъ лѣто, думалъ онъ, тогда можно будетъ зимнее заложить, а на эти деньги лѣтнее выкупить. Возвращенія его ждали съ нетерпѣніемъ: онъ долженъ былъ принести чаю, сахару и липоваго цвѣту для сына, которому съ утра нездоровилось. Полинъка, старшая, десятилѣтняя дочь раздѣвала его, чтобъ уложить спать. Мать собиралась стирать ночью бѣлье и потому надо было перемѣнить рубашку, которыхъ у него было всего двѣ. Полинъка сняла съ него рубашку и пошла доставать чистую. Мальчикъ сидѣлъ на стулѣ, молча, ожидая чистой, и съ серьезнымъ лицомъ глядѣлъ на вытянутыя впередъ ноги, которыя держалъ пятками врозь. Другая дѣвочка, поменьше его, и совсѣмъ уже сонная стояла у постели, дожидаясь, когда ей помогутъ раздѣться. Мать ходила по комнатѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышался хохотъ, шумный говоръ. Сосѣдъ праздновалъ именины и назвалъ гостей.

— Опять разорвалъ носки — заговорила Катерина Ивановна, взявъ ихъ на ходу у Полинки. — Совсѣмъ ты не бережешь добра. Надо будетъ заштопать ихъ, Поля. Ты какъ уложишь дѣтей спать, такъ зашей, не забудь, а то завтра еще больше разорветъ. А вода готова? Снимай, Маша, рубашечку; ты эту ночь такъ поспишь, зато завтра чистенькую надѣнешь. Ложись, Коля, спи. <с. 114>

Въ это время съ лѣстницы слышался голось.

— Сюда, сюда, въ эту дверь. Осторожнѣе.

Дверь настежь отворилась, толпа хлынула въ комнату.

— Куда класть-то? — спрашиваетъ одинъ изъ несущихъ.

— Раздавили, — на улицѣ, — лошади, — спѣшить объявить другой.

Катерина Ивановна стояла вся блѣдная и съ испугу ничего не могла сказать. Маша, въ одной рубашенкѣ, бросилась къ Полинкѣ, обхватила ее руками и вся тряслась.

Принесшіе бережно стали класть на диванъ безчувственного Ивана Михайловича. Катерина Ивановна стояла на прежнемъ мѣстѣ и только тяжело дышала. Она, казалось, не понимала, что происходитъ у нея на глазахъ.

— Ради Бога, успокойтесь, не пугайтесь, — говорилъ я ей, когда больнаго уложили.

— Что? какъ-то странно, точно съ просонья и не глядя на меня, — спросила она.

— Не беспокойтесь, онъ очнется. Лошади сшибли его съ ногъ и разбили. Онъ поправится, вѣроятно.

Но она не слушала меня. Немало всякихъ несчастій бывало съ нею, и это — новое только въ первую минуту ошеломило ее. Теперь она уже была подлѣ мужа, подложила ему подъ голову подушку, стала раздѣвать его, суетилась и хлопотала.

— Я ужъ послалъ за докторомъ. Нѣтъ-ли у васъ воды, надо обмыть его... и полотенце или салфетку, что-нибудь. Докторъ сейчасъ придетъ, изъ сосѣдняго дома. Я ему заплачу, не беспокойтесь; можетъ быть, вамъ нечѣмъ, говорилъ я, самъ конфузясь такому предложенію.

Катерина Ивановна бросилась къ окну, гдѣ, на продавленномъ <стр. 115> стулѣ, былъ приготовленъ для мытья бѣлья большой тазъ съ водою. Она схватила тазъ, но видно плохо ей самой было, хоть она и казалась спокойною, — она не смогла поднять его. Замѣтивъ это, я бросился помочь ей. Тутъ же, на одномъ изъ стульевъ я нашелъ полотенце. Намочивъ его, я сталъ обмывать окровавленное лицо несчастнаго Ивана Михайловича. Катерина Ивановна, оставшись безъ дѣла, не могла больше скрывать своего горя. У нея на глазахъ показались слезы.

Между тѣмъ въ комнатѣ стоялъ народъ и каждую минуту съ лѣстницы подходили новые лица. Съ хозяйской половины и изъ сосѣдней комнаты тоже повысыпали чуть не всѣ гости. Не вытерпѣла Катерина Ивановна:

— Хоть бы умереть-то дали спокойно, — закричала она. — Что смотрѣть пришли, чего стали. Съ папиросами, въ шляпѣ. Вонъ подите. Хоть къ больному-то имѣли бы уваженъе.

Толпа попятилась и понемногу, одинъ за однимъ, стали выходить. Отошедшіе отъ двери, тутъ же въ коридорѣ начали пересуды, точно тамъ шумъ уже не беспокоилъ больнаго. Катерина Ивановна была возмущена. Чуткое ухо ея слышало замѣчаніе кого-то изъ гостей, что не слѣдовало приносить его сюда, а надо было прямо отправить въ больницу, а то теперь изъ этого всѣмъ безпокойство. Вотъ тебѣ и имянины, поддакнулъ другой.

— Безсовѣстные, — проговорила она съ сердцемъ, но въ это время влетѣла квартирная хозяйка.

— Ахъ, Боже мой, — кричала она. — Отправьте своего мужа въ больницу. Я не могу держать здѣсь такого.

— Какого такого? Опомнитесь, что вы говорите. Развѣ вы не видите въ какомъ онъ положеніи. Я васъ прошу <с. 116> сейчасъ же запереть двери и не впускать сюда никого. Если вы сами вздумаете шумѣть здѣсь, завтра же я пожалуюсь на васъ.

Хозяйка присмирѣла. Въ эту минуту умирающій очнулся и простоналъ. Катерина Ивановна бросилась къ нему. Больной, не узнавая никого, пристально глядѣлъ на меня, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ дышалъ тяжело и рѣдко. Потъ выступилъ у него на лбу. Не узнавъ меня, онъ сталъ безпокойно обводить глазами комнату. Катерина Ивановна стала подлѣ дивана и грустно глядѣла на больнаго. Изъ глазъ ея текли слезы.

— Боже мой, у него вся грудь раздавлена. Крови-то, крови сколько. Надо снять съ него все. Повернись, Иванъ Михайловичъ, коли можешь, — крикнула она ему.

— Священника! — прохрипѣлъ онъ.

Катерина Ивановна отошла къ окну, прислонилась къ оконной рамѣ и съ отчаяніемъ залилась слезами.

— Священника! — проговорилъ опять умирающій послѣ минуты молчанія.

Катерина Ивановна подошла къ Полинкѣ и стала тихо говорить ей, гдѣ найти священника. — На, вотъ платокъ, укутайся хорошенько, теперь холодно.

Тоскливымъ взглядомъ искалъ Иванъ Михайловичъ своей жены. Окончивъ распоряженія, она опять подошла къ нему. Онъ поглядѣлъ на нее пристально и потомъ опять сталъ искать чего-то глазами. Взоръ его остановился на маленькой Машѣ, дрожавшей въ углу и все время смотрѣвшей на него. Это была его любимица.

— Босенькая, — пробормоталъ онъ чуть внятно — сироткой будетъ... Э-эхъ!..

— Слава Богу, докторъ. <с. 117>

Старичокъ докторъ, озираясь по сторонамъ, точно хотѣлъ сперва узнать, куда онъ попалъ, подошелъ къ больному, попробовалъ пульсъ, ощупалъ голову и съ помощью Катерины Ивановны отстегнулъ воротъ у рубашки, чтобъ осмотрѣть грудь. Вся она была истерзана и измята; нѣсколько

реберъ съ правой стороны оказалось сломано. Съ лѣвой стороны, противъ сердца, было зловѣщее, большое, желтовато-черное пятно. Лошадь ударила въ это мѣсто копытомъ. Докторъ нахмурился. Полицейскій, свидѣтель дѣла, рассказалъ ему, что раздавленного захватило въ колесо и тащило шаговъ тридцать по мостовой. Старичокъ внимательно выслушалъ его.

— Удивительно, какъ онъ еще очнулся, — тихонько шепнулъ онъ мнѣ.

— Какъ же вы находите его, докторъ?

— Сейчасъ умереть.

— И никакой надежды?

— Ни малѣйшей. Голова опасно ранена. Пожалуй, можно кровь пустить, но это не поможетъ. Минуть пять, десять, не больше, и онъ умереть.

— Такъ ужъ пустите кровь... Все-таки, можетъ быть...

— Пожалуй, для успокоенія совѣсти, можно. Только это бесполезно, послѣ такой раны...

Но ему не удалось сдѣлать и этого. Пришелъ священникъ. Докторъ хотѣлъ уйти, но я упробилъ его остаться. Тяжело было отпустить отсюда человекъ, который одинъ могъ бы помочь; при немъ все какъ то думалось, что еще есть хоть какая-нибудь, хоть слабая надежда.

Священникъ подошелъ къ больному, чтобъ передъ смертью исповѣдать его. Всѣ отошли подальше. Исповѣдь продолжалась недолго. Умиращій едвали и самъ <с. 118> понималъ хорошо, что говорилъ. Онъ произносилъ одни отрывочные, неясные звуки. Катерина Ивановна подозвала дѣтей къ себѣ и отойдя въ уголь стала сама на колѣни и ихъ поставила подлѣ себя. «Молитесь за отца», сказала она имъ. Маша только дрожала и испуганно глядѣла куда-то въ сторону, а Коля, ставъ голыми ногами на колѣни, тотчасъ сталъ креститься и класть земные поклоны. Катерина Ивановна тоже молилась, съ трудомъ сдерживая слезы, лившіяся изъ глазъ. А между тѣмъ изъ сѣней и лѣстницы опять стали высовываться любопытные и глядѣли на послѣднюю исповѣдь умирающаго и на жаркую молитву несчастной жены его.

Исповѣдь кончилась, больнаго причастили. Катерина Ивановна опять была уже подлѣ него, склоняясь надъ его изголовьемъ. Онъ не отводилъ своихъ глазъ отъ жены, изрѣдка переводя ихъ на дѣтей: ему все хотѣлось сказать ей что-то; онъ было и началъ, съ трудомъ шевеля языкомъ, но его нельзя было слышать.

— Что ты говоришь? — крикнула ему жена.

Больной еще разъ попытался говорить.

— Прости, жена; дѣти, простите, — съ трудомъ разслушала Катерина Ивановна; онъ вздохнулъ глубоко, и этотъ вздохъ былъ послѣдній.

— Скончался, — тихо выговорила Катерина Ивановна. — Ну, что я теперь буду дѣлать? Чѣмъ я похороню его. А чѣмъ ихъ то, ихъ то завтра чѣмъ покормлю? <с. 119>

Текстологическая справка

Источники текста:

Первая редакция: Раздавили! человек раздавили! // Дѣтское Чтеніе. СПб.: Изданіе «Русской книжной торговли», 1870. Годъ второй. Томъ четвертый. Кн. VIII. С. 111—119.

Вторая редакция: Раздавили! Человек раздавили! // Въ своемъ кругу / сост. А. Н. Острогорскій. СПб.: Типографія П. Меркульева, 1875. С. 253—262.

Печатается по тексту 1870 со следующими исправлениями:

С. 63. “— Раздавили, — на улицѣ, — лошади...” *вместо:* “ «Раздавили, — на улицѣ лошади...”

С. 63. “— Хоть бы умереть-то дали спокойно...” *вместо:* “ «Хоть бы умереть-то дали спокойно...”

С. 64. “— Ахъ, Боже мой, — кричала она...” *вместо:* “Ахъ, Боже мой, — кричала она...”

С. 64. “Э-эхъ!...” *вместо:* “Э-эхъ!...”

ВАРИАНТЫ

С. 61. «Раздавили! человек раздавили!» (1870) / «Раздавили! Человек раздавили!» (1875)

С. 61. «Вдругъ какой-то шумъ происходившій впереди меня, пробудилъ мое вниманіе» (1870) / «Вдругъ какой-то шумъ впереди меня, возбудилъ мое вниманіе» (1875)

С. 61. «какой слабенькой» (1870) / «какой слабенькій» (1875)

С. 61. «безъ чувствъ, весь въ крови. Съ лица, съ головы текла кровь. Лицо было все избито, ободрано, исковеркано.» (1870) / «безъ чувствъ.» (1875)

С. 63. «я сталъ обмывать окровавленное лицо» (1870) / «я сталъ обмывать лицо» (1875)

С. 64. «Что смотрѣть пришли, чего стали. Съ папиросами, въ шляпѣ. Вонъ подите.» (1870) / «Что смотрѣть пришли, чего стали. Вонъ подите.» (1875)

С. 64. «— Боже мой, у него вся грудь раздавлена. Крови-то, крови сколько. Надо снять съ него все.» (1870) / «— Боже мой, у него вся грудь раздавлена. Надо раздѣть его.» (1875)

С. 64. «— Священника! — прохрипѣлъ онъ.» (1870) / «— Священника! — шепталъ онъ.» (1875)

С. 64. «взглядомъ искалъ Иванъ Михайловичъ своей жены» (1870) / «взглядомъ искалъ Иванъ Михайловичъ свою жену» (1875)

С. 64. «сироткой будетъ... Э-эхъ!..» (1870) / «сироткой будетъ...» (1875)

С. 64. «Вся она была истерзана и измята» (1870) / «Вся она была измята» (1875)

С. 65. «было зловѣщее, большое, желтовато-черное пятно» (1870) / «было большое, желтовато-черное пятно» (1875)

*Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX—XX вв.» (№ 34.1126).